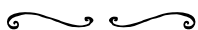

Ч А С Т Ь 1

Джозефина

Лина

Джозефина

Штат Вирджиния 1852

Мистер дал Джозефине пощечину. Ударил ладонью по левой щеке, и Джозефина тут же поняла, что пора бежать. Она услышала свист удара, почувствовала, как его кожа обожгла ее лицо, голова закружилась, и Джозефина обернулась в сторону полей, где несколько мужчин по указанию Мистера собирали табак. Листья тяжело и низко свисали со стеблей, готовые к сбору. Она увидела чью-то голую спину, а еще нового работника Натана, который тарачился в сторону дома, опершись о грабли. Воздух был сладким на вкус, жимолость, отяжелевшая от цветов, сползала по перилам крыльца, и ее сладость смешивалась со вкусом крови во рту.

Пощечина досталась ей без видимой причины. Джозефина подметала переднее крыльцо, как всегда по утрам, убирала пыль и листья, нанесенные ночным ветром. Улитка проложила тропку по сырому от росы деревянному полу крыльца и пристроила свою бурую раковину между двумя креслами-качалками. Джозефина подцепила ее метлой, резким движением выкинула во двор, а потом услышала где-то в доме позади себя голос Мистера. Он что-то сказал, она не расслышала, что именно. Не спросил, нет, интонация не была вопросительной. И вроде бы не злил-

ся. Голос звучал ровно, не торопливо, не настойчиво — так, во всяком случае, казалось Джозефине, пока он ее не ударил. Она перестала мести, обернулась, посмотрела на дом, и тут он вышел через широкую входную дверь — гордую входную дверь, как любила говорить Миссис Лу, и его рука поднялась. Джозефина увидела, как его правая рука согнулась, а губы слегка раздвинулись, но не раскрылись, лишь образовали намек на крохотную темную щель между ними. И сразу же — его ладонь на щеке Джозефины, и метла, со стуком выпавшая у нее из рук.

В этот миг внутри у Джозефины что-то сдвинулось, затронув рой разрозненных желаний, рассеянных в душе. Их было много — всех и не перечислить, и большинство совсем простые: поесть как следует, когда проголодалась, улыбнуться, не задумываясь, надеть платье, которое ей впору, повесить на стену картинку, которую нарисовала, любить того, кого сама выбрала. И все они чудесным образом слились воедино именно в это сентябрьское утро, когда ее желудок жаждал завтрака, а в небе светило щедрое розовое солнце. Сегодня последний день, других не будет.

Потом она пыталась, но так и не смогла объяснить Калебу, почему именно в этот миг все решилось. Ей запомнилась улитка, изгиб ее раковины и жаркие краски рассвета. Все, что было потом — доктор Викерс, и то, что сделала Миссис Лу, — не изменило решения, принятого Джозефиной там, на крыльце, после пощечины Мистера. Так она и сказала потом Калебу, что если бы даже в тот день больше ничего не произошло, она все равно убежала бы. Да, она убежит.

Джозефина снова повернулась к Мистеру. Где-то за рекой свистела птичка: «фью-фью-фью», голосок чистый, как солнечный день.

— Присмотри за Миссис, — сказал Мистер. — Не забудь, сегодня придет врач.

Он сошел с крыльца на грунтовую дорожку и посмотрел на Джозефину; его темная борода была пропитана пылью полей, глаза прятались в тени. В прошлом месяце сторела дотла сушильня, а с ней погибло несколько лошадей, их рев было страшно слышать. Еще до этого, зимой, умер отец Мистера, Папа Бо, да еще корова перестала доиться, и Хэп, полевой работник, умер от укуса пчелы. Он весь раздулся и принялся царапать землю, сказал Отис, так, будто сам себе могилу рыл, чтобы другим лишней работы не давать. А тут еще Миссис Лу с ее припадками. Да, Мистеру несладко приходится, у него есть причины для печали. Но Джозефине не было жаль его.

Она кивнула, ее щека горела.

Джозефина смотрела, как Мистер уходит. Хотелось прижать ладонь к щеке, но она не стала этого делать. Она выплюнула красную полоску слюны на ветхие половицы, растерла ее босой ногой, взяла корзинку, сошла с крыльца и двинулась вдоль стены. Она ощущала легкость, почти головокружение. Джозефина спустилась по низкому склону, трава холодила ноги, солнце поднялось чуть выше, легкий туман рассеялся. Бежать. Это слово эхом отдавалось у нее в ушах, жидкостью разливалось в голове. Бежать.

Джозефина родилась не в Белл-Крике, но других мест она не знала. Берег реки, кухонное корыто, печка, поле — это и были четыре стороны света для Джозефины все семнадцать лет ее жизни. Миссис Лу держала ее при себе: в город по делам посылала другую служанку, а в путешествия брала с собой чужую девушку, которую нанимала у Стэнморв. А Джозефина оставалась дома. Как свои пять пальцев она знала реку, что вилась к западу от полей, узкую, всего несколько ярдов от берега до берега, платаны

и ивы над головой, их ветви, тянущиеся к воде. Здесь она стирала, охлаждала ноги, ловила форель, сома и окуня. Она знала все изгибы берега, мшистые места и большой камень, под углом торчавший из воды, а под ним расстились темнота и гладь. Она знала поля во все времена года, под паром — бурые, под посевами — зеленые, и кусты табака, когда они вырастали, то поднимались почти до ее плеч, а листья были такие широкие, как ее растопыренные руки.

Она знала большой дом, построенный Генри, бездетным братом Папы Бо, во времена, когда штат Вирджиния казался райским уголком, который сама природа одарила всеми своими богатствами. Бесплодная жена Генри только и заботилась о том, чтобы дом сиял и чтобы в нем было все, что можно купить или построить на табачные доллары ее мужа. Вдоль стен — сплошная веранда, наверху — спальни, многочисленные и просторные, широкие стеклянные окна в гостиной, диван из конского волоса, на котором можно сидеть, потягивая чай из сервиза костяного фарфора с зеленой чернильной меткой на доньшке каждой чашки. И библиотека, скрытая в дальней комнате на первом этаже, книги в переплетах из красной и коричневой кожи, с золотыми буквами на корешках. Они назвали это место Белл-Крик, и когда-то здесь было хорошо.

Теперь окрашенные белой краской стены пошли зелеными пятнами, с низкой наклонной крыши осыпалась черепица, подоконники раскололись, кирпичный дымоход треснул по верхнему краю. Книги в библиотеке покрылись плесенью, страницы слиплись от сырости, проникавшей сквозь треснувшее боковое окно, которое так и не починили. Ночью Джозефина слышала, как под полами и за тонкими деревянными стенами чердака копошились и скреблись мыши, белки и крысы. Джозефина спала

на тонком тюфяке на полу, крыша была покатой и низкой, и летними ночами здесь было так жарко, что она лежала, распластавшись, стараясь, чтобы части ее тела не соприкасались, и собственные ноги казались ей чужими.

Джозефина повернула за угол дома и замедлила шаг при виде Лотти. Она стояла у клумбы, по колено в земле, полола сорняки и рвала пурпурные веронии и розовые центифолии, чтобы поставить на стол Миссис. По всему периметру дома, вдоль спуска к реке и с восточной стороны, по дороге к полям, росли цветы: клематисы, клайтоники, ирисы, лиловые лаконосы, золотарник. Когда-то клумбы были разбиты в строгом порядке, но потеряли форму от времени и заброшенности. Цветы, правда, от этого хуже не стали. Они буйно цвели, заполняя газоны, распространяя пыльцу даже на дорогу, где каждую весну за протоптанной грунтовой тропой и запертыми передними воротами расцветали незаконно проникшие туда розы.

Лотти стояла, нагнувшись, ее локти двигались, как рычаги; сорняки она кидала в кучу за спину, цветы аккуратно складывала в стопку. За тесемки ее фартука было заткнуто несколько колокольчиков, любимых цветов Уинтона. Лотти везде прихватывала какую-нибудь мелочь: хвостик бекона из копильни, яйцо из-под курицы, швейную иголку, конфетку; хотя она делала это почти открыто, ее ни разу не поймали.

— Доброе утро, Лотти, — сказала Джозефина. Она надеялась, что ее голос прозвучит ровно, но он все же сорвался: в ней еще эхом отдавалась пощечина Мистера. Лотти подняла голову: седые волосы подвязаны какой-то темной тряпицей, а кожа блестит от пота. Одинокая горизонтальная морщина беспокойства пересекала ее лоб, как будто когда-то давно там лежал топор.

— Что? Дитя, что стряслось? У тебя лицо, будто ты призрак увидела. — Лотти верила, что беспокойные мертвецы Белл-Крика живут среди приречных ив, где скапливается утренний туман. Папа Бо, сынишка Лотти Хэп, все умершие дети Миссис и даже мать Мистера и его четыре сестры, хотя они похоронены в Луизиане. Лотти видела их там как-то летней ночью, вернее, сказала она, перед самым рассветом, они там танцевали, смеялись и плакали среди ветвей, которые, словно волосы белой женщины, свисали к воде.

Лотти выпустила из рук цветы и подошла к Джозефине. Подол юбки вымок в траве; Лотти увидела след от пощечины Мистера, и ее взгляд застыл. Обхватив руками лицо Джозефины, Лотти повернула его к себе и положила длинный палец на больное место.

— Ох, девонька, — сказала она. — Нужно ромашку приложить. Или что-нибудь холодненькое.

— Ничего, — сказала Джозефина, хотя кожу саднило, и почувствовала, что вот-вот расплечется. — Лотти, ничего страшного. Просто мелочь.

Но она не отстранилась. Прохладная, мокрая от росы рука Лотти успокаивала ее. Джозефина прислонилась к теплomu, крепкому телу Лотти и снова почувствовала себя ребенком в ночной хижине, когда Лотти и все остальные наконец возвращались с полей, и все дневные горести спадали с Джозефины и таяли в податливом теле Лотти, к которому она прижималась: в животе, ключицах, мускулистых икрах. Тогда, как и сейчас, Лотти была достаточно крепкой и мягкой, чтобы вместить все страдания Джозефины.

Лотти позволила Джозефине прижаться к ней, отстранила ее лицо и смерила пристальным взглядом.

— Ну, тогда ладно. Ничего страшного, раз так сказала.

— Ничего. — Джозефина быстро покачала головой, словно стряхивая воду с волос. Покосившись на небо, она повернулась к Лотти. — Я видела внизу Натана, — сказала она. — Он, похоже, еле стоит.

— Да, ему пришлось сколько-то пролежать, так он сказал. Все из-за пяток. Не мог ничего делать, ни стоять, ни ходить. Слишком глубокие порезы у него, вот как он сказал.

Мистер нанял Натана у мистера Лоудена, соседа в шести милях к западу, только для сбора урожая, только чтобы надзирать за остальными. Натан уже дважды убежал, его дважды ловили и возвращали мистеру Лоудену, для чьего терпения это было немалым испытанием. Мистер нанял его задешево — из-за побегов и еще потому, что из-за порезанных пяток Натан все делал медленно. В Белл-Крике он был новичком, Джозефина еще ни разу не разговаривала с ним и поэтому не спросила, куда он направлялся, когда убежал.

— А он какой? — спросила Джозефина.

Лотти помолчала, наклонив голову.

— Он неплохой. Вроде довольно славный. Имеет голову на плечах.

— А-а... По мне, чем-то похож на Луиса. Что-то в осанке, в том, как он стоит...

Луис был продан три года назад, и впервые с тех пор Джозефина заговорила о нем. Она сама удивилась, что голос у нее не задрожал, а на глаза не навернулись слезы. Луис. Это имя тяжело повисло между ними, как звук надежды или трагедии, они сами не знали, чего именно. Он далеко, далеко.

— На Луиса? Нет, на Луиса ничуть не похож, — сказала Лотти, нахмурившись и слегка покачав головой, как будто это решало дело. — Джозефина, а на что тебе Натан?

— Да так, поздороваться хотела. — Опустив глаза, Джозефина отошла в сторону, от босых ступней на земле остались два отпечатка в форме двоек. Раньше она никогда не лгала Лотти, и новое ощущение ей не понравилось: в животе екнуло, ноги задрожали. Сегодня вечером Джозефина попросит Натана рассказать, как пробраться на север, сегодня же вечером она убежит. Бежать. Слово все еще отдавалось в ней, а теперь зазвучало по-новому. Может быть, и Лотти пойдет с ней? Лотти и Уинтон неколебимо верили в спасение, которого они достигнут, их вера будет истинной, а путь — праведным. Лотти во всем искала признаки искупления, вот, например, двухголовая лягушка по имени Отис, которую она нашла у реки прошлым летом, или ночь, когда небо наполнилось падающими огнями, и они сияли так ярко, что все в доме и в хижинах проснулись и выскочили на лужайку перед домом, даже Мистер и Миссис Лу, все стояли рядом, широко раскрытыми глазами глядя в пылающее небо. Это значит, что Иисус скоро придет, говорила Лотти. Она ждала Его. «Нечего больше ждать, — хотела сказать Джозефина. — Пойдем со мной, Лотти, ты и Уинтон должны пойти со мной. Натан укажет нам дорогу».

Но здесь, посреди цветов, когда воздух был пропитан их ароматом, а прохладная рука Лотти все еще лежала на щеке Джозефины, мысль о побеге казалась слишком смутной, чтобы вытащить ее на свет божий, на солнце, на утро, со всеми делами, которые нужно переделать, с часами, которые нужно пережить. Просто мысль, неопределенная и не оформленная как нечто осуществимое; ведь Джозефина знала, как легко сбиться с пути в своих намерениях, как путь, ведущий прочь, может обратиться вспять и вернуть в отправную точку.

Несколько лет назад Джозефина уже пыталась бежать посреди ночи. Она тогда была совсем ребенком, двенадцати, может быть, тринадцати лет, не понимала опасности, не знала ни правильного пути на север, ни того, как тени могут разыгрывать шутки на дороге. Возвращение в Белл-Крик было долгим. На этот раз она не повернет назад. На этот раз она продолжит путь — через великую реку Огайо вплоть до Филадельфии, Бостона или Нью-Йорка, северных городов, которые жили в сознании Джозефины так же, как призраки — в сознании Лотти.

— Ну, мне пора, — сказала Джозефина. — Встретимся вечером у хижин, Лотти. Там и поговорим.

— Давай, приходи. — Лотти медленно моргнула, уголки ее рта смягчились, Джозефина прекрасно знала этот ее взгляд сдержанной нежности, привязанности, которую Лотти всегда прятала подальше, чтобы не дать ей зайти слишком далеко. Приглушенная, скрытая любовь. Лотти стала такой с тех пор, как умер Хэп, ее последний сын, ему было всего двенадцать лет, он гордился, как павлин, своим умением играть на скрипке, и умер в считанные минуты, Лотти согнулась над его телом, все еще теплым, губы и язык Хэпа раздулись, а на руке, там, куда укусила пчела, была опухоль величиной с двадцатицентовик.

Джозефина спускалась по низкому склону к огороду с его кривыми грядками и зарослями малины и ежевики, где все кусты срослись и спутались, а ягоды доставались в основном птицам, потому что росли слишком высоко и слишком глубоко, чтобы Джозефина могла собрать все. Джозефина сунула руки в ежевичник и стала обрывать ягоды с белых волокнистых плодоножек. Вчера вечером Миссис Лу попросила на завтрак ежевики. Шипы кололись, но Джозефина продолжала рвать ягоды. Сегодня такой же день, как все другие. Собирай, что велено — еже-